

**Property in the Moment of Transition from Tribal Order to State
(Theoretical Questions)**

The paper deals with theoretical distinction between property, possession, and use. At the stage of tribal society and chiefdom, only movable property (including slaves) was possible. Land belonged to the tribe as a whole, and thus chief could not introduce taxation. Land property could not be established but violently, by someone from outside the tribe. Such submission to a foreign chief as to ruler and judge is a universal model of state formation; military contribution is the first sort of taxation. The two necessary conditions of state formation are: 1) the sufficient level of development of movable property; 2) the necessity (or desire) to subordinate to a foreign chief. These conditions make possible the establishment of the ruler's property of land, and the taxation – the main feature of the state.

И.В. Кондратьев (Чернигов)

**ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА-ЗАМКИ КАК ЦЕНТРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖЕБНОГО СОСЛОВИЯ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**

С присоединением в середине XIV в. Киевской земли к Великому княжеству Литовскому, государство создает новую социальную опору – осаживая на землю военно-служебные элементы. Центрами возникновения нового сословия, так называемой служебной шляхты – боярства и земянства, в большинстве своем становятся города-замки Киевской Руси.

Схожая ситуация наблюдается и в других странах средневековой Европы – например, в Польше, где околицы древних городов-замков, известных с XI–XII вв., стали центрами организации мелкой служебной шляхты (Woguski 1972. S. 225–226).

Аналогию находим и в истории Московского государства, где основной формой служебного землевладения была вотчина, имевшая безусловный военно-служебный характер. Своего максимального развития вотчины достигли на территории некогда независимых княжеств Московского государства – Владимиро-Московского, Нижегородского, Ростовского, Суздальского, Тверского и более

мелких уделов (Шватченко 1990. С. 36). Очевидно, запоздалый процесс централизации этих территорий позволил сохраниться наиболее архаическим формам землевладения.

Система так называемых «украинных» замков, в большинстве своем – бывших мелких княжеских центров Киевской Руси, имела огромное колонизационное значение. Эта система была создана на основе древнерусской системы обороны края. Состояла она из трех линий оборонительных замков. Первая – северная, проходила по Днепру и Припяти (Любеч, Мозырь, Овруч). Вторая начиналась от верховьев рек Рось и Тетерев и шла вглубь страны – Остер, Киев, Житомир; третья – южная, начиналась от нижнего течения Днепра и через все верхнее течение Буга доходила к Днестру (Канев, Черкассы, Звенигород, Винница, Брацлав). Эту линию на Подолье логически замыкали Бар и Каменец. Существовала еще одна, четвертая линия древнерусских укреплений по р. Сула, но в литовское время она осталась невостребованной (Владимирский-Буданов 1890. С. 74–75).

Большинство этих городов-замков принадлежит к территории Полесья, где, по мнению исследователей, население и хозяйство не понесли катастрофического урона в результате монгольского нашествия (Моця, Томашевский 1994. С. 37). Археологические данные свидетельствуют, что часть сельских поселений продолжала функционировать до XIII–XIV вв. (Веремейчик 2007. С. 366–367). Очевидно, местное население только временно покинуло родные дома, переживая нашествие захватчиков в пущах и болотах. Частично это подтверждается топонимикой региона – названиями, произошедшими от фамилии или имени владельца (формирование таких сел происходило от XIII до XVI в.).

По мнению исследователей, приграничное положение Киевщины заставляло князей содержать значительные резервы конных дружинников, наделенных землей (Рыбаков 1982. С. 478; Яковенко 1993. С. 26–27). Еще до монголо-татарского нашествия могла быть посажена на землю военно-служебная категория «данников» или «мужей» (Голубовский 1881. С. 21; Ефименко 1903. С. 106–107). В пользу этой версии свидетельствует факт локального размещения этих категорий жителей в небольших

поселениях – от 10 до 20 дворов. Наличие подобных военно-служебных элементов, подтверждается археологическими исследованиями – находками предметов вооружения и военного снаряжения, не характерных для сельских поселений (Веремейчик 1998. С. 54). На значительное количество сельских поселений времен Киевской Руси вокруг городов – центров военной организации обращают внимание и польские историки (Bobiński 2000. S. 481–568).

Кроме древнерусских элементов, на землю осаживалась и часть монгольских захватчиков. К примеру, около хутора Половецкого на р. Рось и в районе Любеча, была выявлена своеобразная группа керамики конца XIV – начала XV в. (Кучера 1969. С. 174–179). Киевскими князьями и Великими князьями Литовскими возле замков осаживались и пленные золотоордынские татары. Польские историки относят этот процесс к началу XIV в. (Bogawski 1977. S. 291–292).

Источником пополнения служебной шляхты были и обедневшие древнерусские боярские роды. В XIV–XV вв. на Киевщину могла переселиться и определенная часть брянского боярства (Кондратьев 2006. С. 41).

Таким образом, древнерусские города-замки Киевской Руси были центрами формирования военно-служебных категорий Великого княжества Литовского – служилого боярства и землянства, взявшего на себя обязательство охраны рубежей государства. Очевидно, что основной контингент этой «людности» был автохтонным и имел прямую связь с домонгольским периодом.

Литература

- Веремейчик О.М.* Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої Десни та Дніпра у IX–XIII ст. // Україна і Росія в панорамі століть: Зб. наук. праць на пошану проф. К. Ячменіхіна. Чернівці, 1998. С. 51–65.
- Веремейчик Е.* Поселение «Пойма» около Шестовицы близ Чернигова // Чернівці у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Зб. наук. праць, присв. 1100-літтю першої літописної згадки про Чернівці. Чернівці, 2007. С. 366–379.
- Владимирский-Буданов М.* Население Юго-Западной России от 2-ой половины XV до Люблинской унии (1569 г.). Акты о заселении

- Юго-Западной России // Архив Юго-Западной России. 1890. Ч. 7, т. 2. С. 1–210.
- Голубовский П.* История Северской земли до половины XIV века. Киев, 1881.
- Ефименко А.* Литовско-русские данники и их дани // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 1. С. 106–119.
- Кондратьев І.В.* До джерел формування служебної шляхти Любецької волості // Сіверянський літопис. 2006. № 3. С. 38–45.
- Кучера М.П.* Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'янсько-руські старожитності. Київ, 1969. С. 174–179.
- Моця О.П., Томашевський А.П.* Людина часів середньовіччя у природному середовищі Полісся // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Тези доповідей міжнар. наук. конф. у м. Славутичі 5–6 жовтня 1994 р. Київ, 1994. С. 37.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990.
- Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
- Vobiński W.* Województwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej. Warszawa, 2000.
- Bogucki A.* Grody a osadnictwo drobnorycerskie w ziemi dobrzynskiej // Przegląd Historyczny. 1972. T. 63, z. 2. S. 225–226.
- Borawski P.* Z dziejów kolonizacji tatarskiej w Wielkim księstwie Litewskim i w Polsce (XIV–XVII w.) // Przegląd Orientalistyczny. 1977. № 4. S. 291–296.

Igor Kondratiev (Chernihiv)

Old Rus Castle-Towns as Formation Centres of Military Service Estates of the Grand Duchy of Lithuania

In the mid-14th century when Kiev land was annexed to the Grand Duchy of Lithuania the state settled military service elements thus creating a new social support. They were mostly castle towns of Kievan Rus which became the centres of new estate origin, so-called service shlyaha, the boyars and zemianstvo. A similar situation occurred in other countries of Medieval Europe. In Poland, for example, the outskirts of ancient castle towns known since the 11th–12th centuries were the centres of minor service shlyaha organization.

Analogy is found in the history of the Muscovite state where ancestral land served as the main form of service land ownership. Ancestral lands

reached its peak on the territories of once-independent princedoms of Muscovite state. Apparently, the delayed process of centralization of these territories made for the preservation of the most archaic forms of land ownership.

The system of so-called “Ukrainian” castles – mostly former minor centres of Kievan princes – was of great importance. Russian defensive fortifications served the basis of this system, which consisted of three lines of fortified castles. The first, the Northern one, spread along the Dnieper and the Pripyat’ rivers (Lubech, Mozyr, Ovruch). The second one started from the sources of the Ros’ and the Teterev rivers and went into the heart of the country – Oster, Kiev, Zhytomyr; the third, the Southern one, started from the lower reaches of the Dnieper and ascended to the Dnestr across the upper reaches of the Bug (Kanev, Cherkassy, Zvenygorod, Vynnytsa, Bratslav).

These castle towns belonged mostly to the Polesie territory where population and economy had not suffered the drastic damage as a result of Mongol invasion, according to the researchers. Archaeological evidence suggests that some rural settlements existed until the 13th–14th centuries.

Researchers stated that the cross-border position of Kyivschina forced the princes to keep significant reserves of horsed man-at-arms endowed with land. The presence of such military service elements is confirmed by archaeological artefacts such as armament and military equipment finds in the rural areas.

Besides a few Russians the land was also settled by some Mongol invaders. The captives from Mongol-Tatar Golden Horde settled near the castles, too. The service shlyahtha was supplied by impoverished Russian boyar families.

Thus, Russian castle towns of Kievan Rus were the formation centres of military service estates of Grand Duchy of Lithuania, of the service class boyars and zemianstvo that assumed the obligation to protect the state borders. This main cohort of such people was autochthonic and had a direct reference to the Pre-Mongol period.

И.Г. Коновалова (Москва)

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ РУСОВ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА*

Исламские авторы IX–X вв. (Ибн Хордадбех, Ибн Русте, Ибн Фадлан, ал-Мас‘уди, ал-Истахри, Ибн Хаукал, «Худуд ал-